

Методологические и теоретические проблемы психологии

© 1997 г. К. Муздыбаев

ПСИХОЛОГИЯ ЗАВИСТИ

Анализируется феномен зависти: ее характеристики, виды, функции, детерминанты и др. Описываются понятийные различия "зависти" и ревности, "справедливости" и "зависти". Основными детерминантами зависти являются социальное сравнение, превосходство другого человека, похоть и социальная близость. Отмечаются различия между злобной завистью и незлобной.

Ключевые слова: зависть, равенство, справедливость, равенство, социальное сравнение, социальная дистанция, враждебность, деструктивность, злобность, талант, превосходство, успех, унижение.

1. ВВЕДЕНИЕ

Благородство и низость, стыд и гордость, равнодушие и отзывчивость, злобность и доброжелательность, честность и подлость, уважение и зависть и др. составляют позитивные и негативные компоненты нравственной жизни личности и общества. В значительной мере именно взаимодействие этих сил определяет структуру характера и судьбу как отдельного человека, так и целой общности и даже нации. В историческом плане эти привлекательные и отталкивающие качества личности и культуры проявляются неравномерно, в зависимости от социально-политической и экономической ситуации. Тяжелые условия жизни чаще всего провоцируют проявление негативных сторон характера личности и культуры [14, с. 20]. Навязывание же определенных политических доктрин и режимов способно резко изменить знаки и направления движущих сил в индивидуальной и общественной жизни. Больше того, укрепление того или иного политического режима порой осуществляется путем подавления одних моральных чувств и поощрения других. От такого выбора, в конечном счете, зависит гуманизация и дегуманизация культуры. В этой статье предпринята попытка систематического анализа такого явления, как зависть.

Известно, что наиболее питательную среду зависть получает в застойном, косном обществе. Ибо единообразие быта и идеологических установок, тождественность моральных чувств и похоть мыслительных процессов, характерных для подобного общества, способствуют подавлению любого превосходства над общим уровнем [18]. И тогда господствующим элементом культуры, в которой принципы равенства доминируют над другими ценностями, может стать зависть [28]. Представляя собой самый низменный и самый разрушительный социальный материал, она может выступить также в качестве катализатора разрушения и дестабилизации в переходные периоды общества. Дело в том, что переструктурирование власти и общественной системы, выдвижение новых людей, установление новых принципов управления экономикой и распределения доходов, неизбежно вызывают зависть у части населения, в особенности – у социальных аутсайдеров. Ибо принципы завистника –

непрерывно иметь то, что имеет другой; не допустить превосходства другого над собой; лишить того, кому завидуешь, предмета превосходства. Как бы то ни было, по мнению Р. Нисбета, широко распространенная в популяции зависть делает любого рода социальное согласие, любое проявление прав и свобод, любую структуру справедливости совершенно невозможной [28].

2. ПОНЯТИЕ ЗАВИСТИ

По Далю, зависть – это "свойство того, кто завидует; досада по чужому добру и благу; ... нежелание добра другому, а одному лишь себе" [4, с. 560]. Итак, зависть проявляется в характере личности. Она выражает негативное чувство и намерение человека. Однако в приведенном определении охвачены не все составляющие зависти. Прежде всего, в нем существенно снижена интенсивность этого чувства, а поведенческие его проявления просто не учтены.

Между тем еще Бэкон отмечал, что зависть может принимать деструктивную форму поведения: "Кто не надеется сравняться с ближним в достоинствах, старается сквитаться с ним, нанося ущерб его благополучию" [2, с. 369]. Агрессивно-разрушительный поведенческий компонент в интерпретации зависти более явно обозначен позже у Декарта: "Нет ни одного порока, который так вредил бы благополучию людей, как зависть, ибо те, кто им заражен, не только огорчаются сами, но и, как только могут, омрачают радость других" [5, с. 561].

Если для Спинозы зависть есть просто ненависть [17, с. 131], то Ларошфуко идет дальше. «Зависть, – пишет он в "Максимах", – еще непримиримее, чем ненависть» [11, с. 70]. Если в трактовке зависти у Бэкона и Декарта ее деструктивный потенциал несколько ограничен и исчерпывается нанесением вреда (ущерба), то в "Метафизике нравов" Канта разрушительный компонент зависти предстает более объемно. "Когда она проявляется в поступке (направленном на то, чтобы лишить блага другого), она называется черной завистью, а в остальных же случаях – просто недоброжелательством (*invidentia*)" [8, с. 400].

Все это позволяет сделать вывод, что понятие зависти непременно включает: восприятие субъектом чьего-то превосходства; чувства досады, огорчения, а то и унижения по этому поводу; неприязненное отношение или даже ненависть к тому, кто превосходит; желание или причинение ему вреда; желание или реальное лишение его предмета превосходства.

Как видим, явление зависти проявляется на трех уровнях: на уровне сознания – это осознание более низкого своего положения; на уровне эмоционального переживания – чувство досады, раздражения или злости из-за такого положения, и на уровне реального поведения – разрушение, устранение предмета зависти. Естественно, что в определении невозможно охватить все формы проявления данного свойства личности. Тем не менее, для дальнейшего анализа важно зафиксировать основные составляющие понятия зависти. Итак, зависть является неприязненно-враждебным чувством, возникающим, когда индивид не имеет того, чем обладает другой человек, и страстно желает иметь этот предмет (это качество, это достижение, этот успех), либо страстно желает лишить предмета зависти другого человека.

3. ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗАВИСТИ

В основе возникновения чувства зависти всегда лежит *социальное сравнение*, преимущественно определяющее Я – концепцию личности и ее самоуважение. Ибо индивид оценивает и осознает себя путем сравнения с похожими другими людьми [9, с. 30; 36, с. 1].

Если же при сравнении обнаружится, что другой человек обладает более высокими достижениями, либо большими способностями, либо более привлекательными личностными данными, то появляются условия для падения самоуважения и, следовательно, социальной репутации сравнивающего. Ведь низкое самоуважение

означает восприятие себя как менее достойного или недостойного, а высокое самоуважение подразумевает внутренний комфорт и приятие себя как достойного. Концентрация внимания на своих недостатках или неудачах, с одной стороны, и пристальный интерес к достоинству или успехам окружающих, с другой, – ведет к возникновению разных форм зависти [29, с. 12]. "... В зависти всегда таится сравнение, – утверждал Бэкон, – а где невозможно сравнение, нет и зависти..." [2, с. 370].

Процесс социального сравнения выявляет вторую детерминанту зависти – наличия *превосходства другого человека* и осознание субъектом более низкого собственного положения. Это, в сущности, и есть самая фундаментальная предпосылка зависти [38, с. 193]. Завидующий интерпретирует чужой успех как свое поражение, а не как выигрыш целого, частью которого он сам является. Причина тут в том, что успехи и приобретения человека, с которым индивид сравнивает себя, указывают не только на его положение аутсайдера, но также выступают в его восприятии еще и в качестве укора ему [1, с. 94]. При этом любопытно отметить, что даже если положение завидующего не изменяется по принятой шкале, успех соперника расширяет саму эту шкалу измерения, соответственно, и положение завидующего теперь выглядит хуже [27, с. 440].

В то же время возможности для сравнения не беспредельны. Напротив, они весьма ограничены определенными социальными рамками. Завистник, как правило, сравнивает свое положение, свои достижения со статусом близко стоящих на социальной лестнице. Поэтому и говорят: "гончар завидует гончару", "король завидует королю", "низший не завидует вельможе". Уже Аристотель отмечал, что «... люди завидуют тем, кто к ним близок по времени, по месту, по возрасту и по славе, откуда и говорится: "родня умеет и завидовать"» [1, с. 94]. Таким образом, *похожесть и социальная близость* также являются детерминантами зависти.

В самом деле, близость делает подробности жизни другого человека более обозримыми, более доступными для сравнения и анализа. Кроме того, ведь именно непосредственное окружение чаще всего служит в качестве референтной группы, в качестве точки отсчета, по отношению к которой субъект измеряет и оценивает свои достижения и приобретения, неудачи и потери.

Интенсивность зависти, по мнению Ю.Л. Мизеса, зависит от дистанции между завидующим и объектом зависти. Если социальная дистанция чрезмерно велика, то нижестоящий не сравнивает себя с вышестоящим, следовательно, и явление зависти отсутствует [26, с. 343]. То есть, чем короче социальная дистанция, тем выше и вероятность возникновения зависти.

Зависть не появляется или возникает редко и в том случае, если достижения другого человека слишком велики. Большие различия редко вызывают зависть. Снедают завистника, в основном, небольшие различия [33, с. 347].

И узость шкал достижения и социальной дистанции, используемые завистником для сравнения, понятны. Пробуждается ведь чувство зависти из-за бессилия, вследствие неспособности субъекта достичь того, чего добился близкий, реальный конкурент. Таким образом, собственные низкие способности, слабые социальные и личностные ресурсы резко ограничивают шкалы сравнения даже у весьма завистливых людей. Хотя эмпирических исследований по этой теме явно недостаточно, утверждается, однако, что возникновению зависти в немалой степени способствуют некоторые черты характера личности. Вероятно, склонны к зависти честолюбивые [1, с. 93; 6, с. 6–7], себялюбивые [6, с. 6–7], тщеславные [1, с. 93], эгоистичные [6, с. 6–7], ленивые [18, с. 254] люди.

4. ВИДЫ ЗАВИСТИ

Несмотря на весьма широко распространенное мнение, будто зависть считает только недостатки и видит людей с наименее благоприятной стороны, в ее основе все-таки лежит восхищение достоинствами и достижениями другого человека, т.е. признание его превосходства над собой. "Зависть, – говорит Кьеркегор, – это восхи-

щение, которое притворяется. Тот восхищенный, который чувствует невозможность счастья, состоящего в том, чтобы уступить своему восхищению, берет на себя роль завистника. Теперь он говорит иным языком, в котором то, чем он в глубине души восхищается, уже ничего не значит, является всего лишь жалкой глупостью, странностью, экстравагантностью" [10, с. 312–313].

Так или иначе, разные авторы специально выделяют форму *восхищенной* зависти. Дж. Нью даже противопоставляет *злую зависть* восхищенной. "В случае злобной зависти, – пишет он, – человек хочет унижить другого (до собственного уровня или ниже); в случае восхищенной зависти, человек желает возвысить себя (стать таким же, как другой человек)" [27, с. 434].

Все же совсем не обязательно, чтобы восхищение присутствовало в зависти. Поэтому вместе с восхищенной завистью используют термин "*незлобная зависть*". Впрочем, пара злобная и незлобная зависть известна с древних времен. Особенностью незлобной зависти является стремление иметь то, что другой имеет. Особенность же злобной зависти – стремление к тому, чтобы этот другой не имел того, что имеет. В фокусе злобной зависти, таким образом, находятся устранение, разрушение ее предмета.

Хотя в злобной и незлобной зависти желания индивида имеют разную направленность, в них содержится и общий элемент. Это – желание преодолеть неравенство. Только тот, кем руководит незлобная зависть, хочет быть лишь похожим на своего соперника. Он говорит: "Я хочу иметь то, что Вы имеете". Тот же, кем руководит злобная зависть, желает разрушить. Он говорит: "Я хочу, чтобы Вы не имели того, что Вы имеете" [27, с. 439–440]. В первом случае человек стремится подняться сам до уровня объекта зависти, а во втором – унижить объект зависти, уравнивать его с менее достойным.

Одну из уловок злобной зависти, используемых для такой цели, метко охарактеризовал М. Унамуно. Он пишет: "... в единой похвале объединяют человека значительного с незначительным и, таким образом, похвалой ставят между ними знак равенства" [18, с. 254].

Побудительный мотив незлобно завидующего – стать таким же, добиться того же – можно понять. И такой мотив вполне приемлем с моральной точки зрения. Побудительный же мотив злобно завидующего – разрушить, отнять, устранить предмет зависти – совершенно неприемлем. В чем же корни злобной зависти?

В первую очередь злобная зависть продиктована собственным бессилием, собственной неспособностью и осознанием безнадежно низкого своего статуса. Поскольку целью злобно завидующего является преодоление неравенства и поскольку эта задача ему не по силам, то единственной возможностью ее решения остается использование агрессивного метода: унижить соперника, низвести его до своего уровня.

Другая причина возникновения злобной зависти коренится в так называемом "каузальном заблуждении" [33, с. 17]. Человек, имеющий превосходство, воспринимается завидующим, как причина его неудач, его бессилия и униженного положения. Коль скоро обозначен виновник несчастья и унижения, то он не может не вызвать к себе ненависть.

Злобную зависть иногда именуют *враждебной завистью*. Порой ей противопоставляют *соперничающую* или *сравнительную зависть* вместо незлобной. Ряд авторов также особо выделяет *депрессивную зависть*, тоже порождаемую униженным положением, но в результате возникшего чувства несправедливости.

5. ФУНКЦИИ ЗАВИСТИ

В самом общем плане зависть способствует регулированию асимметричного положения между индивидами и между группами. Другое дело – какими способами это осуществляется.

В фольклоре, в художественных произведениях всех культур зависть осуждается

как деструктивная сила, т.е. сила, несущая разрушение, разлад, конфликты. Отвержение зависти обусловлено, таким образом, ее дисфункциональностью. Немецкий социолог Г. Шоек, автор фундаментального труда о зависти, пишет: "Поскольку не может существовать абсолютно эгалитарное общество, поскольку люди не могут быть сделаны полностью равными, если общность должна быть вообще жизнеспособной, завистливый человек является, по определению, отрицающим основы любого общества" [33, с. 26].

Зависть однако не только деформирует целостность социальных систем, вносит в нее конфликты, она также выполняет сдерживающую функцию в развитии отдельной личности, социальных групп и социума в целом. Из страха вызвать зависть не реализуются плодотворные идеи, из опасения спровоцировать ее не выдвигаются достойные специалисты, стремясь избежать нежелательных реакций завистливых коллег, работники снижают свою трудовую энергию и энтузиазм, скрывают свои достижения и т.п.

Можно сказать, что зависть служит и фактором стагнации, и фактором революционных действий. На практике обе эти функции – сдерживания, мятежа и конфликта – активно эксплуатируются как политиками, так и рядовыми гражданами.

Важно отметить, что зависть дисфункциональна и для самого индивида. Хотя, кажется, что зависть выполняет защитную функцию для личности (маскировка некомпетентности, стремление к равному положению и др.), она обрекает завидующего на одиночество, на постепенную изоляцию от окружающих. Да и сам завистник претерпевает личностную деформацию: становится скрытным, тревожным, жалеющим себя, его обуревают чувство неполноценности и недовольства.

Существует, правда, мнение, берущее начало от Аристотеля, что неагрессивные формы зависти (например, соревновательная зависть) мотивируют самосовершенствование людей [1, с. 93–94].

Естественно, со времен Аристотеля содержание зависти существенно изменилось. Если в трактовке Аристотеля преобладали состязательные мотивы явления, то современные авторы подчеркивают роль самоуважения, значение чувства унижения, порождаемые завистью, которые не интересовали Аристотеля [29, с. 12].

Кроме того, зависть сегодня проявляется не только в такой открытой и грубой форме, как в древней Элладе, и не так интенсивна, как во времена Шекспира, ведь современное состояние ума и нынешние социальные отношения стали более утонченными и дискретными. Оттого, видимо, и зависть проявляется зачастую более скрытно, и замаскированно, и дискретно [20, с. 24–25].

Предполагают также, что зависть ныне обнаруживает себя менее интенсивно, чем в прежние века, хотя из-за зависти и ревности убивают и в наши дни [35, с. 60].

Заметим, наконец, что, хотя зависть стремится умалить, принизить достоинства, а то и устранить предмет зависти, в то же время она выполняет функцию утверждения, признания ценности, значимости предмета зависти.

6. ЗАВИСТЬ И РЕВНОСТЬ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Понятия зависти и ревности часто используются как синонимы. Некоторые авторы даже считают, что ревность является более широким понятием, нежели зависть, и безошибочно можно употреблять один термин – "ревность" [31]. От подобного смешивания понятий нет никакого прока, поскольку "ревность" и "зависть" отражают и регулируют разные сферы межличностных отношений.

Как уже говорилось, чувство зависти возникает, когда индивид не имеет того, что имеет другой человек и страстно желает иметь этот предмет (это качество, это достижение, этот успех). Чувство ревности возникает, когда индивид боится потерять или уже потерял значимое для него отношение с другим человеком из-за соперника. Таким образом, зависть проистекает из желания приобрести то, что другой имеет, тогда как ревность возникает из страха потерять уже приобретенное [38, с. 4; 19, с. 487].

Завистник пытается контролировать абстрактные и материальные объекты (статус, деньги, публичная репутация и др.), но не живые. Ревнивец же озабочен контролем над людьми, значимыми для него [21, с. 5].

Конечно, и ревность тоже нацелена на управление абстрактными и материальными объектами, но контроль над такими объектами осуществляется опосредованно через партнера (материальные блага, привязанность, эмоциональная поддержка, бытовые услуги и т.п., которые обеспечиваются благодаря усилиям партнера).

Причина возникновения ревности, как считают некоторые исследователи, зиждется на чувстве ущемленной гордости и на нарушении прав собственности [23, с. 92]. Брачно-сексуальная собственность, конечно, отличается от экономической, но они имеют и некоторое сходство. Как и материальная собственность, брачно-сексуальная собственность, по мнению Д. Кингсли, устанавливается и регулируется институционально [25, с. 129]. Тогда ревнивец предстает в качестве защитника собственности.

Здесь можно зафиксировать еще одно отличие между ревностью и завистью. Оба чувства имеют межличностный контекст. Однако зависть рождается из диадического отношения (завидующий и объект зависти), а ревность – из триадического (ревнующий индивид, партнер, соперник). Кингсли к этой триаде добавляет четвертый элемент: публику. Включение четвертого элемента придает ревности, по его мнению, социальный характер. Ибо публика всегда интересуется тем, как складываются взаимоотношения между партнерами и соперником. Отношение же между четырьмя участниками регулируется с помощью традиционных прав и обязанностей данной культуры.

В целом, ревность к сопернику – нарушителю прав – поощряется, а не подавляется общественностью. Ибо ревность является более законным и социально одобряемым чувством, нежели зависть, так как общество всегда заинтересовано в сохранении социальных связей и в мирном распределении основных ценностей.

Еще Ларошфуко утверждал: "Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковыми, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших близких" [11, с. 36].

В смысле охраны собственности ревность воспринимается в качестве интегративного чувства в отличие от дезинтегративного чувства зависти. Тут естественно, решающее значение имеет понятие собственности и традиции защиты ее. Там, где ревниво охраняют частную собственность вообще, и супруги могут относиться друг к другу как к собственности. При таком подходе нормы защиты частной собственности распространяются и на брачно-сексуальные отношения. Таким образом, ревность выполняет функцию социальной структуры и сексуально-ролевой социализации, хотя ряд авторов доказывают, что ревность является функцией личностной неадекватности [39, с. 136].

Как бы мы не подчеркивали социальную функцию ревности, главным в ней является личностная функция – функция защиты Я-концепции. Ведь многие аспекты представления человека о своем Я связаны с сексуально-половыми отношениями (сексуальная и личностная привлекательность, например). Эти компоненты Я-концепции создаются и поддерживаются во многом партнером (партнершей). Угроза потери партнера поэтому оборачивается угрозой разрушения Я-концепции личности.

Наконец, необходимо заметить, что ревность наблюдается не только в брачно-сексуальных отношениях. Она возникает между друзьями, среди студентов по отношению к преподавателю, среди сотрудников из-за расположения руководителя, между детьми за особое внимание со стороны родителей. Близкие ревнуют также друг друга к какому-либо занятию (спорту, работе и т.п.), т.е. к чрезмерному, на их взгляд, увлечению.

Ревность может вызываться завистью, а зависть ревностью. Известный философ Дж. Роулс заметил, что "когда другие осознают нашу зависть, они вероятно станут

ревновать свои благоприятные обстоятельства и тревожиться, чтобы предпринять меры предосторожности против враждебных действий, к которым наша зависть делает нас склонными" [30, с. 532]. Между прочим, и завидующий пытается вызвать зависть у превосходящего его по качествам человека [22].

7. ЗАВИСТЬ К ТАЛАНТУ

Талант есть особое дарование, выдающиеся способности человека, позволяющие ему создать нечто уникальное, самобытное, сильно отличающееся от привычных и известных вещей. "Всякое талантливое произведение предполагает некую полноту самоотдачи художника. Мы не всегда это осознаем, но всегда чувствуем", – говорит Фазиль Искандер в эссе "Моцарт и Сальери" [7, с. 125]. Словом, уникальные произведения создаются благодаря уникальным способностям и полной самоотдаче.

Почему же такая концентрация таланта и энергии вызывает неприязнь и зависть? "Мы не требуем объяснений у того, кто остается в границах привычного, но мы их неуклонно требуем у того, кто хочет выйти за пределы привычного. Для нашего внутреннего плебея нет ничего ненавистнее честолюбца. А герой, понятно, начинает с честолюбия. Вульгарность не раздражает нас так, как претензия", – пишет Ортега-и-Гассет [15, с. 144–145].

Попробуем объяснить неприязненное отношение к таланту. Наше социальное поведение сдерживается и управляется в определенных рамках и мы не можем выйти слишком далеко за пределы консенсуально установленных норм. Другими словами, для социального поведения существуют пределы его вариативности, преступать которые запрещено. Талантливая работа своей самобытностью как раз и выходит за пределы дозволенного, создавая угрозу репутации обычной, рутинной работе. "...Я могу переживать ценность другого как угрозу моему статусу или положению. Я боюсь, что он может нанести ущерб моей карьере, уменьшить мою популярность, или бросить тень на мою репутацию, просто затмевая меня. Как я могу допустить его ценность как "ценность?" – вопрошает Ван Кам в книге "Живущий созидательно" [24, с. 30].

Зависть исключает высокую оценку и уважительное отношение из-за невозможности достижения такого же уровня завидующим субъектом. Завистник обеспокоен не тем, чтобы воздать по заслугам талантливому человеку, а тем, что у него нет такой работы. Он ведь видит только то, что у него отсутствует. У завистника только одно желание – восстановить баланс и сохранить шкалу ценностей неизменной. Вот где корни практики замалчивания и игнорирования, а то и клеветы в адрес выдающихся личностей. Признание и уважение приходит с опозданием, зачастую посмертно, когда заметно увеличивается временная дистанция и когда завистников-современников уже не остается среди живущих. Новое поколение судит без ненависти и без пристрастия (Сенека), потому что предшественники не представляют для него угрозы, которую несет свое поколение. Недаром Гельвеций утверждал: "Зависть почитает мертвых, чтобы оскорбить живых" [3, с. 75].

8. ЗАВИСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Недовольство и даже враждебные реакции являются естественным ответом на несправедливость. Переживание зависти также сопровождается недовольством, агрессивными реакциями. Внешняя схожесть чувства зависти и недовольства несправедливым отношением позволяет зависти выдавать себя за справедливое негодование. Однако во всех случаях несправедливого отношения главным элементом является чувство необоснованного лишения (депривации) чего-то ценного, важного [12, с. 158]. Во всех же случаях проявления зависти главным элементом является желание обладать каким-то благом, принадлежащим другому субъекту.

Напряжение между таким стремлением и бессилием его достичь, как писал М. Шелер, приводит к зависти [32, с. 45]. Впрочем, достижения, владения другого также трактуются завистником как причина его депривации. Такое иллюзорное или

неосознанное, но беспочвенное каузальное убеждение, с точки зрения Шелера, представляет собой критический компонент зависти.

Чувство зависти отличается от чувства несправедливости и по другому критерию. Справедливость есть совокупность принципов и процедур, регулирующих жизненные блага и тяготы, права и обязанности индивидов и общественных групп. Справедливость предполагает соответствие между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием [13, с. 94]. Поэтому существует некий консенсус относительно условий, которые порождают враждебные реакции из-за несправедливого обращения. Да и само недовольство несправедливостью выражается, как правило, открыто, искренне и с чистой совестью. Недовольство и враждебные реакции, диктуемые завистью, не опираются на установленные принципы и нормы. Они незаконны, субъективны, носят лишь личностный характер, оттого и выражаются они большей частью потаенно, скрытно, а не открыто [34].

Тем не менее, в стремлении зависти устранить различия в превосходствах людей присутствуют моральные критерии. Последние связаны с контролируемостью и неконтролируемостью причин. Дело в том, что некоторые различия между людьми складываются в результате "природного" неравенства: они с рождения отличаются здоровьем, красотой, талантом.

"Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше", – утверждает Сальери, сетуя на несправедливость Неба. Бог несправедлив потому, что "священный дар" не дан ему в награду за усердия и труды, а "озаряет голову безумца, гуляки праздного", – Моцарта [16, с. 306].

Кроме того, стартовое положение разных индивидов также не равно, например, возможности семьи дать хорошее образование и воспитание детям. Подобные неуправляемые факторы, производящие серьезные различия между людьми, вводят моральный элемент в недовольство завистника. Нельзя же обвинять самого себя за свое происхождение. Превосходство того, кому завидуют, приобретенное благодаря неконтролируемым обстоятельствам, предстает тогда в глазах завистника невалидной основой для воздаяния [34, с. 89].

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остановимся на опасности использования чувства зависти в политических целях и в целях преобразования общественной системы, а также на некоторых способах его регулирования.

Известно, что явление зависти нередко возникает при необходимости политических реформ, социальных революций, для установления нового общественного порядка. При этом дореволюционные и послереволюционные фазы часто поддерживаются усилением мотивации зависти.

Более того, ряд доктрин, такие, как эгалитаризм (требование равенства), демократия (требование народовластия, свободы и равенства граждан) также питают свою силу из чувства зависти. Вот что писал Унамуно: "Что же касается демократии, то был ли на свете народ завистливей афинян? Это они изобрели остракизм. Боги древней Эллады завидуют счастливым смертным..."

Демократия завистлива. Именно зависть и побуждала демократические республики отменять титулы, почетные звания, ордена. Они очень гордятся этой отменой. Однако место графов и маркизов заняли генералы и доктора наук" [18, с. 255].

Но политик, эксплуатирующий зависть, играет на предубеждениях людей, разжигает между ними ненависть, сеет конфликты в обществе. Надо помнить, что зависть – это негативный источник, она является дегуманизирующей силой. Институционализация зависти на деле оборачивается институционализацией озлобленности, агрессивности, недоброжелательности. Как заметил Шоек: "Общество, которое поднимает среднего завистливого человека на положение законодателя, неспособно функционировать" [33, с. 247].

Как же нейтрализовать зависть? Существуют ли способы борьбы с ней? Прежде всего необходимо отметить, что интенсивность, распространенность зависти в популяции различны в разные эпохи. Бывают исторические (и экономические, и политические) ситуации, благоприятствующие широкому распространению зависти. Не только бедные завидуют богатым, но и бедные страны завидуют богатым странам. Подобная зависть может даже приводить к военным столкновениям.

На социетальном уровне методами сдерживания зависти могут служить: учреждение позитивных законов, культивирование уважения к индивидуальной свободе, терпимости к различиям, раскрытие в средствах массовой коммуникации порочности зависти, наконец, религия, проповедующая отказ от соблазна покушаться на чужое.

На индивидуальном уровне также существует ряд способов ее нейтрализации. В некоторых странах менеджеры не афишируют размеры заработной платы сотрудников, чтобы не вызвать чувство зависти. В итоге считается даже неприличным задавать вопросы о доходах. Тормозит возникновение чувства зависти самоконтроль и самовоспитание. Сэмюэл Джонсон, знавший годы лишения и бедность, оказывается, так боялся роста в нем духа зависти, что умышленно культивировал в себе гордость и милосердие, которые, как он считал, должны блокировать появление зависти. По мнению Нисбета, Джонсон был необычайно свободен от зависти [28].

Зависть – ущербное чувство. Оно пытается заполнить пустоту или компенсировать недостаток. Зависть порождается отсутствием внутреннего мировоззренческого и психологического равновесия, гармонии. Она не возникает или реже возникает у независимой, самодостаточной, непредубежденной личности, увлеченной собственными, а не чужими делами. Однажды, беседуя с одним человеком, Унамуно сказал ему: "Самая для меня симпатичная ваша черта то, что я ни разу не заметил у вас и намека не завистливости". – "На зависть у меня просто не хватало времени, – ответил его собеседник. – Меня так занимает дорога, по которой я иду, и так волнует вопрос, куда она меня приведет, что не остается времени глядеть по сторонам, на чужие дороги, и бояться, не продвигается ли по ним кто-нибудь быстрее, чем я по своей" [18, с. 254–255].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Риторика / Античные риторик. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. С. 16–164.
2. *Бэкон Ф.* Опыты, или наставления нравственные и политические. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 349–482.
3. *Гельвеций*. Записные книжки. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1973. Т. 1. С. 73–142.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: АО Издательская группа "Прогресс", "Универс". 1994. Т. 1.
5. *Декарт Р.* Страсти души. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль. 1989. Т. 1. С. 481–572.
6. *Дескюэ Ж.Б.Ф.* Зависть и ревность. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1899.
7. *Искандер Ф.* Моцарт и Сальери // Знамя. 1986. № 1. С. 125–131.
8. *Каит*. Метафизика нравов. Сочинения в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107–438.
9. *Кон И.С.* Категория "Я" в психологии // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 3. С. 25–38.
10. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. Кьеркегор С. Страх и Трепет. М.: Республика, 1993. С. 251–350.
11. *Ларошфуко Ф.* Максимы / Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеры, или нравы нынешнего века. М.: Худож. лит., 1974. С. 29–108.
12. *Муздыбаев К.* Природа переживания несправедливости // Филос. и социол. мысль. 1992. № 5. С. 157–162.
13. *Муздыбаев К.* Идея справедливости // Социол. иссл. 1992. № 11. С. 94–101.
14. *Муздыбаев К.* Переживание вины и стыда. СПб.: СПбф ИС РАН, 1995.
15. *Ортега-и-Гассет Х.* Размышления о Дон-Кихоте / Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1981. С. 113–151.
16. *Пушкин А.С.* Моцарт и Сальери. Пушкин А.С. Пол. собр. соч. в 10-ти т. Л.: Наука, 1978. С. 306–315.

17. Спиноза Б. Этика. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1932.
18. Унамуну М. Испанская зависть // Унамуну М. Избранное: В 2-х т. Л.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 249–257.
19. Ben-Ze'ev A. Envy and Jealousy // Canadian J. of Philosophy. 1990. V. 20. P. 487–516.
20. Berke J.H. The Tyranny of Malice: Exploring the Dark Side of Character and Culture. N.Y.: Summitt Books, 1988.
21. Clanton G. and Smith L.G. (Eds). Jealousy. Lanham: Univ. Press of America, 1977.
22. Farber L. The Faces of Envy // Review of Existential Psychology and Psychiatry. 1961. V. 6. P. 131–140.
23. Hatfield E. and Walster G.W. The Social Psychology of Jealousy / Eds. Clanton G. and Smith L.G. Jealousy. Lanham: Univ. Press of America. 1977. P. 91–100.
24. Van Kaam A. Living Creatively. Lanham: Univ. Press of America. 1985.
25. Kingsley D. Jealousy and Sexual Property / Eds. Clanton G. and Smith L.G. Jealousy. Lanham: Univ. Press of America. 1977. P. 129–134.
26. Von Mises L. Socialism. Indianapolis: Liberty Classics, 1981.
27. Neu J. Jealousy Thoughts / Eds. Rorty A.O. Explaining Emotions. Berkeley: Univ. of California Press, 1980. P. 425–463.
28. Nisbet R. Envy / Nisbet R. Prejudices. A Philosophical Dictionary. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1982. P. 107–109.
29. Parrott W.G. The Emotional Experience of Envy and Jealousy / Ed. Salovey P. The Psychology of Jealousy and Envy N.Y.: The Guilford Press, 1991. P. 3–30.
30. Rawles J. A Theory of Justice. Cambridge. Mass.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1971.
31. Salovey P. and Rodin J. The Differentiation of Social-Comparison Jealousy and Romantic Jealousy // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1986. V. 50. P. 1100–1112.
32. Scheler M. Das Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Abhandlungen und Aufsätze. Bern: Frankcke Verlag. 1955. Band 3. S. 33–147.
33. Schoeck H. Envy: A Theory of Social Behavior. N.Y.: Harcourt. Brace and World, 1969.
34. Smith R.H. Envy and the Sense of Injustice // The Psychology of Jealousy and Envy / Ed. Salovey P. N.Y.: The Guilford Press, 1991. P. 79–99.
35. Spielman P.M. Envy and Jealousy: An Attempt at Clarification // Psychoanalytic Quarterly. 1971. V. 40. P. 59–82.
36. Suls J.M. Social Comparison: Theory and Research // Social Comparison Processes / Eds. Suls J.M. and Miller R.L. Washington, D.C.: Hemisphere Publishing Corporation, 1977. P. 1–29.
37. de Swaan A. Jealousy as a Class Phenomenon: The Petite Bourgeoisie and Social Security // International Sociology. 1989. V. 4. P. 259–271.
38. Titellman P.A. Phenomenological Comparison between Envy and Jealousy // J. of Phenomenological Psychology. 1982. V. 12. P. 189–204.
39. Whiterhurst R.N. Jealousy and American Values / Eds. Clanton G. and Smith L.G. Jealousy. Lanham: Univ. Press of America. 1977. P. 136–139.
40. Young R. Egalitarianism and Envy // Philosophical Studies. 1987. V. 52. P. 261–276.